

СЕРГЕЙ ОГНЕВ

**Наследие Ктулху —
поэзия Говарда Ф. Лавкрафта**

HPL

Сергей Огнев
Наследие Ктулху – поэзия
Говарда Ф. Лавкрафта

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67296870

ISBN 9785449618061

Аннотация

Говард Филиппс Лавкрафт (1890—1937) – поистине считается одним из королей ужасов и мистики, создателем собственной мифологии. В книге сделана попытка передать прозу произведений и мистических сюжетов писателя в поэтической обработке.

Содержание

ДАГОН	6
ХОЛОДНЫЙ ВОЗДУХ	10
ФОТОГРАФИЯ С НАТУРЫ	16
ЦВЕТ ИЗ ИНЫХ МИРОВ	21
ВОССТАВШИЕ ИЗ АДА	28
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Наследие Ктулху – поэзия Говарда Ф. Лавкрафта

Сергей Огнев

© Сергей Огнев, 2022

ISBN 978-5-4496-1806-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Не мёртво то, что в Вечности живёт.

Со смертью Времени и Смерть умрёт...

(безумный араб Абдул аль-Хазред)

Наследие Ктулху.

Поэзия Говарда Ф. Лавкрафта

Говард Филиппс Лавкрафт (1890—1937) – американский писатель, поистине считается одним из королей ужасов и мистики, создателем собственного жанра мистических рассказов, объединенных созданной им же мифологией. Фундаментом жанра «Лавкрафтовские ужасы» является мир Древнего божества Ктулху, история и мифы которого изложены в Книге законов Мертвых «Некрономикон, аль-Азиф» в авторстве безумного араба Абдула аль-Хазреда.

Как сам Лавкрафт считал себя последователем творче-

ства американского писателя Эдгара Аллана По, основателя мистического жанра, то и у самого автора Ктулху после его смерти родилась огромная армия не только поклонников, но и писателей, наследников изобретенного им литературного культа.

Также есть немало музыкантов, выступающих в стиле Heavy Metal, в своих песнях зачастую используют сюжеты или развития событий Некрономикона из произведений Лавкрафта.

И как вариант такого наследия, в настоящей книге мною сделана попытка передать прозу некоторых рассказов и мистических сюжетов Г. Ф. Лавкрафта в поэтической обработке.

Отзывы и пожелания присылайте на личную электронную почту ognevsp@mail.ru

ДАГОН

(по рассказу Г. Ф. Лавкрафта «Dagon»)

Пищу, а душу терзает боль,
Я знаю, вечером меня не станет.
Без лекарств, в кармане голь,
Распахну окно, и жизнь увянет.

Терпеть пытку жизнью больше не могу,
Морфий – моего сознания хомут.
Расскажу, что мне известно одному,
Не надеясь, что меня поймут.

...Шлюпку Тихий океан качает без забот,
Третий день в одиночестве я плыл
С тех пор как наш гвардейский пакетбот
Немецкий рейдер затопил.

Захлебнувшись, я очнулся в черноте,
Тревожный сон сменил кошмар реальности.
Я увязал в болоте от шлюпки вдалеке,
Отхаркивая слизь вонючей гадости.

Не страх, а удивление вводило в дрожь меня,
Зловеще непонятное воздух наполняло.

Гнилая масса дохлых рыб со дна
Мерзкий, тошнотворный запах источала.

Безоблачное небо, отражая гниль
Казалось почти черным, отливая блеском
И черноту бескрайних миль
Ничто не волновало всплеском.

Земля! О, боже, я, наконец, спасен...
На острове всё та же гниль,
но чувствуя опору под ногами,
Уже не так кошмарами стеснён,
Я двигался на запад быстрыми шагами.

Под адским пеклом солнца дни я изнывал,
А по ночам ущербная Луна тянула из меня рассудок.
Высокий холм мне силы прибавлял,
Цель достиг за четверо ужасных суток.

Стоя на вершине, до предела поражён,
Смотрел в бездонный мрак извечной ночи.
Этой вечностью, казалось, заражён,
Я кричал от страха, что есть мочи.

На другом холме в ста футах от меня
Громадный монолит светился в лунном блеске.
Тайны человека, скрытые в века
Отражены в рисунках и искусной резке.

Приблизившись, я со страхом изучал
Барельефы в монолите сером.
Свет Луны, я думаю, наверное, искажал...
Такого быть не может в свете белом.

И теперь я теряю сознание,
Только лишь вспоминая их —
Это не земные и не божьи создания,
Человек и рыба смешивались в них.

С перепонками меж пальцев рук и ног,
Огромные, прозрачные, на выкате глаза.
Может кто-то, но не я, их описать бы смог,
Знаю лишь одно – такого выдумать нельзя.

Я был настолько поражён,
Окунувшись в тайны Океана глубину,
Что поначалу оказался раздражён
Тем, кто посмел нарушить эту тишину.

Я застыл на месте... из-за рифа,
Слегка вспенив воду, прямо предо мной
Огромное, словно Полифем из мифа.
Поднялось оно над черною водой.

Чудовище из самого ужасного кошмара,
Отвратительнее мозг бы выдумать не смог,
Метнулось к монолиту с быстротой удара,
Возникшая волна свалила меня с ног.

Чешуйчатые руки обвили монолит,
Словно для молитвы склонилась голова.
Ужасный, и в то же время чудный вид,
До уха доносились непонятные слова.

Я прочь бежал, что было мочи,
Пел, кричал, когда не мог уж петь.
Последнее, что помню из этой ночи —
С ног сбившую, молнии удара плеть.

Меня нашли. Очнулся – больничная постель,
Толком объяснить ничего не мог.
Один лишь звук – тяжелая капель
И хлюпанье противных скользких ног.

А по ночам, лишь полная Луна взойдёт,
Во всём величии ко мне приходит Он.
Гортанным голосом к себе зовёт:
Рыба – Бог, Его Величие Дагон.

Снаружи слышен шум... не успеваю запереть,
В дверь бьётся скользкое громадное оно.
Им не достать меня, уж лучше умереть.
О, боже, нет...
рука! – конец...
Окно!.. окно!..

ХОЛОДНЫЙ ВОЗДУХ

(по рассказу Г. Ф. Лавкрафта «Cool Air»)

Не все кошмары связаны со мраком,
Одиночеством, безмолвием, грозой.
Фобии определены лишь личным страхом,
Средь них есть странные, каков и мой.

Я чуть ли не схожу с ума,
Почуяв холод, и терпеть нет мочи
Любого сквозняка. А в горле тошнота,
Лишь жаркий день сменяется прохладой ночи.

Работа журналиста не приносила мне достатка
И заставляла часто делать переезды.
Сняв комнату в отеле на жалкие остатки,
Тогда я сам открыл ворота бездны.

Знакомство с доктором явилось неслучайным,
Сеньор Муньос соседствовал со мной.
Сердечный приступ приоткрыл завесу тайны,
Пришлось подняться в комнату его.

Холодный воздух хлынул из дверей,
Меня озноб пробил, хоть было лето.

Первым чувством явилось выбежать быстрее,
Боль стерпеть, остаться без ответа.

Доктор протянул навстречу руку,
Льдом обожгло и пальцы, и ладонь.
Не знал, смогу ли вынести я муку,
Вынести едкую аммиака вонь.

Восхищение сменило неприязни чувство —
Легко и быстро приступ снят.
Доктор обладал целительным искусством,
Лекарством напоил и уложил в кровать.

Мы сдружились, каждый вечер я в гостях,
Слушал монолог о борьбе со смертью.
Серьезная болезнь гниения в костях
Рассекало тело грозной плетью.

«Вот почему мне нужен мрак и холод,
Лишь так могу себе часы продлить.
Морозильник изобрел, когда был молод,
И приходится теперь в нем постоянно жить.

Бессмертие – вот основной вопрос,
Терзающий людей из поколения в поколение.
Гипотез много, но ответов не нашлось,
Решение есть, и в этом нет сомнения.

Человек по сущности своей бессмертен,

Воля и сознание возвращает жизнь,
Воля держит дух в телесном месте —
Вот вечной жизни простая мысль.

Предав тело консервации ещё здоровым,
Оно будет жить, пока есть воля.
Пусть организм со временем не будет новым,
Но ты живешь, причем без чувства боли.

Функция органов уже вторична,
Их может, в принципе, не быть.
Думаешь, жизнь без сердца не логична?
Нет, тело и без сердца продолжает жить».

Я часами слушал этот бред,
Казалось, доктор потерял рассудок.
Огромный рабочий кабинет
Заполнен сетью трубок и сосудов.

Его запросы на покупки были чудноваты.
Смесь специй, благовоний, химии
Вскоре стала издавать такие ароматы,
Невольно вспоминаешь фараонов мумии.

Атмосфера вокруг Муньоса постепенно накалялась,
Необъяснимый ужас отвращал соседей от него.
От страшного недуга избавиться пытаясь,
Вонючей гадостью пропитал себя всего.

В поздний час я был разбужен громким стуком,
Сеньор Муньос отчаянно кричал.
Он метался по квартире кругом,
Бешенства подобного я раньше не встречал.

Сломался холодильник, в комнате теплело,
Доктор в ярости просил меня помочь.
Казалось, разорвется тонкая оболочка тела,
Найти немного льда рванул я в ночь.

Низкий голос доктора просил «Ещё, ещё!»,
Лед собрал со всех аптек и магазинов.
К утру нашел механика, вопрос решен.
Он в порядок быстро приведет машину.

Едва переступив порог, я понял – опоздал,
Словно дух зловещий поселился в доме.
С ужасом на лицах я встретил персонал,
Было решено взломать Муньоса номер.

В комнате стоял ужасный смрад,
Будто в морге отключили холод.
Солнце растворило многолетний мрак.
Меня стошнило, хоть и испытывал я голод.

Темная студенистая полоска
Тянулась из ванны в кабинет.
Дрожь пробила от самых пят до мозга
От догадки, что может это быть за след.

Небольшая лужица чернела на столе,
В ней нашел клочок бумаги.
След шёл дальше, обрываясь на софе
Словно под воздействием искусной магии.

Что я увидел на софе, чем это быть могло?
Не решусь, наверное, ответить.
Завесу приоткрыл сам сеньор Муньос
В упомянутом клочке успел отметить.

На разорванном когтями, не рукой, листе
Уродливыми буквами начертаны слова.
Могу поклясться на святом кресте,
Всё – правда, от начала до конца.

«Конец близок, льда больше нет,
Становится теплее, плоть начинает гнить.
На свою теорию я нашел ответ,
Одною волей невозможно вечно жить.

Я ошибался лишь в одном:
Без консервантов разлагаешься в течение суток.
Мой друг, доктор Торрес, знал о том
И умер, не выдержал рассудок.

Торрес выполнил мою теорию сполна,
Консервацию провел живого тела.
Именно тогда он и сошел с ума,

Воплотив в реальность начатое мною дело.

Вы всё поняли, он оживил меня,
Из могилы вытащив на белый свет.
Ведь от своей болезни умер я еще тогда,
С тех пор минуло восемнадцать лет».

ФОТОГРАФИЯ С НАТУРЫ

(по рассказу Г. Ф. Лавкрафта «Pickman's Model»)

Присядь, дружище, налей себе и мне вина,
Рассказать хочу об одном моем знакомстве.
Коль не поверишь, в том не твоя вина,
Что случилось со мною, передашь потомству.

Я изучаю мистику, люблю стиль готики во всем,
И встреча с Пикманом была наградой.
Художник-демонолог,
должно быть, слышали о нем?
Его ненавидели... то-то и отрадно.

Союз художников его изгнал
Всего лишь за одну картину.
«Пир Упыря» задал такой скандал,
Что он надолго с виду сгинул.

Истинность его искусства, скажу Вам в том,
Что досконально Пикман страх и ужас изучил.
Скрытые инстинкты передает тон в тон,
А подсознание само угадывает стиль.

Вот почему от Фюсли, Сайма и Дорé мурашки бегут,

А дешевые картинки на обложках вызывают смех.
Создать такое, скажу Вам, очень тяжкий труд
И Пикман в этом был сильнее, и намного, всех.

Давай же, выпьем, пока в дебри не зашли.
Что видел этот человек... хоть мельком
Никогда не видеть Господа моли.
Дай боже, если... был он человеком.

...Пикман пригласил к себе домой
Воочию удовлетворить мой интерес.
Зачем на это согласился? – думаю порой,
Сжимая инстинктивно в руке нательный крест.

Нет, я не в силах описать словами ужас,
Нравственную мерзость, невыносимый смрад,
Что от простых мазков, казалось, тужась,
Источало зло, переносило в самый ад.

От увиденного сердце стало нестабильно биться.
За десятки лет я очень многое видал,
Но эти лица... проклятые лица
Оживали, строясь в адский карнавал.

На полотне «Урок» изображен ночной погост,
Несколько существ, похожих на собак бездомных.
И видно, самый главный, стоя во весь рост
Учил младенца человека есть себе подобных.

От картины «Случай» я теряю речь,
Там нечисть слизью из метро рождало нечто,
Что пожирало мир людей, мутируя в существ,
Ужасных тварей, оставаясь на земле навечно.

Искусство Пикмана – не вымысел, тот самый Ад,
Что тянет вниз, а краски, виды, тени
Оживляют богопротивных тварей смрад,
Бог знает этот мир, а Пикман – гений.

Тем временем хозяин вел меня в подвал.
Здесь в мастерской —
с десятков незаконченных картин,
Мерзостью в мое сознание внесли провал,
Но я успел заметить – отсюда выход не один.

Эскизами, набросками увешана стена,
Но были и с десятков мрачных фото,
С которых рисовался фон очередного полотна.
Уверен, Пикман был художником от Бога.

Богопротивное создание со злобными глазами
Смотрело на меня из темноты, Бог мой...
Держало человека острыми когтями
И грызло его голову, брызгая слюной.

Вселенский ужас нагонял, пожалуй, даже не сюжет,
Ни песья голова с торчащими ушами,
Ни кровавые глаза, ни когти, это просто бред,

Ни даже то, что разрывало оно клыками.

Техника... дьявольская техника творца
Отразить могла мир нереальный, мир другой.
Написать такое без природы – нет, нельзя,
Лишь душу дьяволу продав, друг мой!

К свободной части полотна прикреплен был листок,
Видно, фото, с которого напишет Пикман фон.
Внезапный стук извне ударил словно ток,
Услышал тихий визг и вслед, протяжный стон.

Маэстро вышел с мастерской, слышались шаги,
Раздался выстрел в темноте и что-то грузное упало.
Вернувшись, прохрипел «Бог знает, что едят они»,
Но внушения про крыс мне было мало.

На этом мы расстались, истории конец,
Маэстро больше не встречал и не хочу, поверьте.
Та фотография – всему причина и венец,
Что Пикман незаметно сунул в дверь мне.

Теперь уверен, не был Пикман человеком,
Он – порождение тени, либо знает путь туда.
В тень эту заглянул всего лишь мельком,
Но богу противный вид не забыть мне никогда.

Я фото сжег, на нем не было пейзажа,
Не верю рассказням о крысах и кротах.

Нет никаких сомнений в этом даже,
Фото – не подделка и снято впопыхах.

На нем подвал, я видел эти трубы...
А в центре чудище... с картины существо.
Клянусь богом, фото было сделано с натуры,
И всё, что Пикман написал – ЖИВО!

ЦВЕТ ИЗ ИНЫХ МИРОВ

(по повести Г. Ф. Лавкрафта
«The Colour Out of Space»)

На запад от Аркхема, среди выжженных долин,
густых лесов и редких водоемов
Лежит, еще недавно, богатая земля,
как черная дыра вдоль мрачных склонов.

Серая зола сторевших в прах домов, посевов
лежит уж сорок лет, нетронутая ветром.
Омертвевшие стволы деревьев догнивали на корню
и не росла травинка даже летом.

Лишь столбики кирпичных труб, да погребца,
топленные вонючей слизкой жижей
Напоминали, что когда-то здесь сполна
довольствовались жители роскошной жизнью.

Поодаль среди чахлах тополей,
почти без крыши одинокий домик догнивал.
Он, как хозяин, доживал последние года,
помнил, что случилось, и помощи не ждал.

Окаянной пустошью прозвали те места,

теперь я понимал проклятое название.
Последний житель, Эмми Пирс, поведал мне рассказ
о странных временах, изменивших и мое сознание.

Сорок лет назад июньским жарким днем
все жители села обычаем работали в полях,
Когда на ферму Гарднера как будто невзначай
упала глыба с неба, прямо на глазах.

Профессоры из города неделю ковыряли
метеорит, реакции и свойства изучали.
Особенно цвет необычный их дивил,
что круглые вкрапления излучали.

Метеорит исчез, как появился
внезапно, не оставив и следа,
Растаял словно льдина в жаркий день
забыли все, но потом пришла беда.

Урожай у Гарднера случился дивный,
овощи крупны и фрукты соком лили.
Вот только несъедобны оказались,
до тошноты горчили и быстро сгнили.

К зиме семью фермера словно подменили,
были беспокойны, их рассказы – полный бред,
Что странные следы у дома наблюдают,
кони ржут воющим собакам вслед.

К следующей весне проблемы обострились,
здесь снег с полей быстрее сошел,
Быстрее набухли почки на деревьях
и невыносимый запах гнили с фермы шел.

Соседи стали замечать, что по ночам
дом Гарднеров сильнее Луною освещен
И ветки на ветру зловеще шелестели,
и еле слышался глухой протяжный стон.

В мае мухи, комары, казалось,
слетелись к Гарднерам со всей округи.
Всё вяло на глазах, стал падать скот
и у фермеров к работе опускались руки.

Первой из семьи не выдержала мать,
полностью в июне потеряв рассудок.
Бедняга истерила, криком уверяла нас,
что воздух светится, меняя цвет в течение суток.

Лишь местоимения и глаголы, путались слова,
в ушах звенели чужие голоса и звуки.
Чуть позже вовсе перестала говорить,
лишь выла словно зверь, пугаясь стуков.

В июле миссис Гарднер была уже не человек,
на четвереньках, корчила дикие гримасы.
Муж не выдержал, запер ее на чердаке
подальше от соседей, что точили лясы.

Ферма в сентябре покрылась серым пеплом,
от гнили и соседи уж с трудом дышали.
Сошел с ума их старший сын,
отец закрыл его напротив мамы.

Теперь уже на пару, они не только выли,
на языке шептались не родном.
И Гарднер клялся, что они светились
в цвете очень странном, неземном.

Сын умер первым чудовищной кончиной:
сначала тело стало серым, а потом
Он весь иссохся, кусками отлетала кожа,
жалкие останки издавали стон.

Младший сын навзрыд рыдал,
что происходит, детский ум не понимал.
Ночью резко оборвался детский вопль,
куда исчез мальчишка, никто и не узнал.

Две недели Пирс не видел Гарднера,
обеспокоившись, решился навестить.
От новых бед спасло безумие,
он плакал и просил его простить.

«В колодце... он живет в колодце» —
дальнейшие вопросы были бесполезны.
Оставив друга одного, Пирс осмотрелся,

чердак закрыт был на засов железный.

Его окутала густая тьма,
он чуть не задохнулся от жуткой вони.
И закричал, когда из дальнего угла
что-то черное ползло, мерзкое до боли.

Причудливые краски цветов метеорита
сковали ужасом, Пирс двигаться не мог.
Чудовище рвануло, цепь оказалась крепче,
куски вонючей плоти упали возле ног.

«Что это, что это было?» —
Пирс снова попытался друга расспросить.
Опухшие, треснутые губы шевелились
с большим трудом можно было различить:

«Это цвет... он живет в колодце...
он горит... холодный и сырой...
Он вроде дыма... я видел его ночью...
он не отсюда... он неземной...»

Он высасывает жизнь из всего живого...
сначала подчиняет, а потом сжигает нас...
Это яд, он травит, всё сохнет и гниет...
он горит сильнее, мы его энергии запас».

Гарднер умер, ферма опустела,
помощь прибыла спустя два дня.

Исследовали всё, и воду из колодца
выкачали насухо, до дна.

Липкая, вонючая до рвоты жидкость
чернела на свету, теряя цвет извне.
Как змея, вздымалась и шипела,
словно защищая скрытое на дне.

Кости птиц, зверей, домашнего скота
в колодце толстым слоем залежали.
Экспертов ужас охватил, когда
младшего из Гарднеров останки отыскиали.

Свет запульсировал на дне,
всё того же цвета переливы
Озарили небо, прорезали густую мглу
как лучи рентгена дьявольской силы.

Ветра не было, но иссохшие сучки деревьев
изгибались, корчились, тянулись в небо,
Хватая облака, разрывая тьму,
отливая спектром неземного цвета.

Мощный луч низвергнулся потоком,
взрывая сруб колодца, разрывая мглу.
Ракетой устремился в небо, отдавая
всё живое на растерзание космическому злу.

В ужасе крича, все разбежались,

лишь Эмми Пирс как истукан,
Взгляд устремил к колодцу, понимая,
что совершен здесь был большой обман.

Бесформенное чудище серой тенью
набухло у колодца, перевалив за край.
Гарднер оказался прав, там зло живет,
ушел пришелец, но не сказал прощай.

Жизнь навсегда покинула пять акров
земли, засыпанной золой и пылью.
Год за годом окаянная пустошь растет,
дюйм за дюймом захватывая гнилью.

Странное сияние – до сих пор загадка,
некий цвет из космоса – источник зла.
Одинокий Эмми Пирс – хранитель тайны:
мысль об этом не дает мне сна...

ВОССТАВШИЕ ИЗ АДА

(по мотивам повести Г. Ф. Лавкрафта «The Call of Cthulhu»)

1. Я безмолвно бреду
по пустынным пескам на восток,
Я небом отвергнут,
будто сброшенный веткой листок.
Жгучий ветер
раскалённым песком обдирает лицо.
Боль врезается
в голову мою терновым венцом.

Отвергнутый Небом, отвергнут людьми,
я проклят навеки. ...Опалённые веки...
Я принял изгнание опустевшей земли,
Чтобы тайну Вечности найти.

Я стану властелином тайн наших праотцов,
Чтобы снова воскресить здесь земли мертвецов.
И вновь воскреснут Гоморра и Содом,
Их сокровища мои. Веселитесь, заходя в мой дом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.